

Дочь Юлиана Семенова рассказала о связи трех смертей

Она из звездной семьи, без всяких кавычек. Правнучка Петра Кончаловского, праправнучка Василия Сурикова, родная племянница Андрея Кончаловского и Никиты Михалкова. Ольга – журналист и писатель, соучредитель ежегодной Премии имени Юлиана Семенова в области

экстремальной геополитической журналистики. Она давно живет во Франции. Там ее семья: муж и двое детей. Но несколько месяцев в году она обязательно проводит в Крыму. Именно там, на вилле «Штирлиц», построенной ее отцом в деревушке под Ялтой, Ольга чувствует себя дома.

– Ольга, как родители восприняли твое решение переехать во Францию?

– Во Францию я влюбилась давно, еще до того, как встретила моего мужа. В первый раз оказалась в Париже с моим папой в самом начале 80-х, мне было 13 лет. Папа был собкором «Литературной газеты», он часто брал меня с собой в командировки. В Париже водил в Лувр, в музей Родена и говорил: «Кузьма, смотри!» И Кузьма смотрела. Мы остановились тогда на квартире Джульетты Форштрем, подруги моей бабушки Натальи Петровны Кончаловской. Джульетта была женой правнука президента Франции Сади Карно. Ее огромная квартира возле Елисейских Полей утопала в облаках пыли, потому что после смерти мужа она никогда не убиралась. Она говорила: «Мой муж был химиком, вот он оставил свои пробирки. Пусть все выглядит как при нем!» Мне казалось: дом населен привидениями. А когда

Наталья Петровна, приезжая туда, пыталась навести какой-то порядок, Джульетта возражала: «Зачем ты убираешь эту пыль? Она такая мягкая, такая нежная!» И так удачно сложилось, что в 1989 году я влюбилась в Надима – отца моих детей, моего мужа, француза ливанского происхождения.

– Семья приняла твой выбор?

– Дело в том, что именно папа познакомил меня с моим будущим мужем. Когда папа получил здание в Москве для редакции газеты «Совершенно секретно», которое надо было восстанавливать, он начал переговоры с крупной немецкой строительной фирмой, которую представлял французский инженер Надим Брайди.

Я встречала их с папой в аэропорту «Шереметьево». Они ждали в вип-зале. Это была единственная привилегия, которой папа пользовался, потому что там везде можно было курить. Я увидела Надима и влюбилась по уши с первого взгляда. Мама отнеслась к нему благосклонно. Она сказала, что у него приятная улыбка, красивые зубы и изящные руки, но папа был немножко ошарашен, что я потеряла голову от человека на 20 лет старше. Но все же принял мой выбор, и я за это ему благодарна.

– Но в тот момент Надим был не свободен?

– Он был свободен для всех красивых женщин. (Смеется.) Как сказал мне его друг: «За кого ты выходишь замуж? Надим не может принадлежать одной женщине!» Но я закрыла на это глаза. Да, он был официально женат, но я не разбивала семью, не взяла такой грех на душу. У них не было детей, они уже три года как не жили вместе. Я переехала во Францию в 1989 году, потом несколько лет мы жили в Ливане. Это страна дивной красоты, но после гражданской войны ситуация там изменилась, и когда наши дети стали подрастать, мы решили вернуться во Францию – за культурой, за миром, за уверенностью в завтрашнем дне.

– Скажи, в вашем браке случались потрясения или Надим после встречи с тобой смотрел на других женщин только издалека?

– Кто же в этом признается? Как настоящий дамский угодник, даже если по средневековому обычаю его будут опускать в чан с кипящим маслом, он пойдет в отказ. Сейчас ему уже 73 года. Но я-то знаю, что он всю жизнь любил женщин.

– **Вы сейчас живете в тихой французской деревне. Там спокойно?**

– Еще полвека назад жители двери входные на ночь не запирали, но все, конечно, изменилось. В прошлом году, перед Пасхой, мы стали жертвами грабежа. В нашем доме несколько высоких окон – без лестницы не вымоешь. И мы нашли фирму по мытью окон, которой руководил серб. Он привел девушку из Боснии и какого-то паренька, как впоследствии оказалось, своего родственника, без документов, которого он регулярно привозил из Сербии во Францию на нелегальные заработки. Я накануне уже уехала в Москву, муж собирался за мной и паковал чемодан. Паренек цепко оглядывал дом и заприметил в нашей комнате мои хорошие часы и бабушкину брошку. В ночь, когда муж прилетел в Москву, нам позвонили из французской полиции: входная дверь нашего дома изуродована ломом, окно разбито, запертая дверь в комнату снесена, а дорогостоящие часы и брошка похищены. На ломе полиция обнаружила отпечатки пальцев, но в базе данных они отсутствуют. «Рано или поздно воры попадутся на другом деле и ответят и за эту кражу!» – успокаивают нас полицейские. Под подозрением у них тот сербский парень без документов, но он моментально скрылся. После этого случая муж установил камеры и сирены, которые начинают реветь, даже когда к дому подкрадывается кошка!

– **Неожиданно, что сербы промышляют во Франции воровством!**

– Жители Балкан пользуется во Франции плохой репутацией. В Марселе недавно задержали семью сербов, которая совершила более 150 ограблений домов, причем мать стояла на стреме, сын взламывал дверь ломом, племянники выносили ценности. Настоящий семейный подряд. Еще одну банду из троих сербов, воровавших в домах драгоценности, арестовали в Монтелимаре. Но чемпионами по преступлениям остаются выходцы из Магриба.

«Вы что, хотите как во Франции?»

– Многие говорят, что Париж уже не тот. Он буквально наводнен мигрантами...

– Папа меня воспитал на идеях интернационализма, но, к сожалению, приходится согласиться: Париж действительно уже не тот. Во Франции всегда было много эмигрантов. После революции сюда бежали русские, украинцы, в 30-е годы был поток испанцев, позже – португальцев. Но все они приезжали для того, чтобы трудиться, становиться французами, растворяться в этой прекрасной культуре. А сегодня Францию наводняют люди, которые ведут себя не как друзья. Они пытаются навязывать свои правила жизни. Страшно смотреть, как перекрывают целые улицы, чтобы верующие мусульмане могли молиться, страшен градус агрессии молодых мигрантов. Они не хотят работать. Пресса об этом много не говорит, но во Франции регулярно крушат католические храмы. Даже у нас в деревне происходят ужасные вещи. Неподалеку на горной дорожке есть чудесный грот, в котором стояла прекрасная статуя Богородицы. И звонили колокольчики каждый час, люди приходили и зажигали свечи. Кто разбил эту скульптуру и изуродовал лицо Богородицы? Сейчас наша христианская община заказала новую статую.

– Французы не чувствуют себя защищенными?

– Увы, нет. В Париже есть районы, где небезопасно. Мой сын Юлиан чуть не погиб. Он пианист, и до того, как поступил в Парижскую консерваторию, ходил заниматься в зал в 18-м округе Парижа. Кто знает город, помнит, что 10-й, 11-й и 18-й округа – уже не Париж. Это – Восток. К Юлиану подошли трое арабов, сначала вроде как по-дружески хлопали по плечам, а потом он понял, что они хотят отнять сумку и сорвать золотую цепочку с крестом, которую он никогда не снимает. Юлиан отбил, но, когда он пришел домой, я пережила шок: сын был в крови – цепочка ему разрезала шею. Ежедневно происходят случаи, когда сбивают с ног пожилых женщин, срывая с шеи цепочку. Статистика преступлений говорит сама за себя: 80 процентов заключенных во

Франции – выходцы с Востока.

– Францию то и дело сотрясают забастовки. Как это отражается на населении?

– Мы очень похожи с французами тем, что у нас развито чувство справедливости. Во Франции часто происходят забастовки. Но когда бастуют железнодорожники, это раздражает население. Они хотят быть чемпионами по страданию, говорят, что у них низкие пенсии, хотя это не так. Бастуя, они берут в заложники все население страны. Перед Рождеством вся Франция была парализована, потому что поезда практически не ходили, один поезд из десяти. Мы ждали наших детей на Рождество до последней минуты, не зная, смогут ли они добраться до нашей деревни из Парижа. И такое происходит каждый год. Причем члены правительства это на себе не ощущают. Они летают на частных самолетах или ездят на автомобиле с водителем. Получается, железнодорожники мстят своим же согражданам – среднему классу.

Пользователи соцсетей в России активно публиковали посты с разными вариациями фразы: «Вы что, хотите как в Париже?» Эти слова стали мемом. «Желтые жилеты» добились, что цены на топливо заморожены на год, повышен МРОТ на 100 евро и т.д.

– Да, есть реальные успехи. Я считаю, что движение «желтых жилетов», которое стало политическим, смогло многого достичь. Я уважаю французов за активную гражданскую позицию.

«Подарил диплом своему отцу»

– Семейная жизнь твоих родителей не была безоблачной. Они не раз собирались разводиться. Это отразилось на вас с сестрой Дашей?

– Папа со своей стороны смог нам дать столько любви и радости, что мы с Дашей как-то держимся, до сих пор не растеряли свой багаж. У меня всегда была мечта, чтобы папа с мамой сидели за круглым столом под желтым абажуром, как когда-то в доме Натальи Петровны Кончаловской на Николиной Горе, но это было

невозможно. Я считаю, что родители правильно поступили, когда в определенный момент решили жить отдельно. Детям лучше мечтать об идеальной семье, чем видеть постоянные скандалы.

– В последние годы у вас были сложные отношения с мамой, которые выплеснулись даже на страницы СМИ...

– Мамы, к сожалению, уже нет. 20 марта будет год, как она ушла. Мы с сестрой выполнили ее последнюю волю: она хотела, чтобы после отпевания ее прах развеяли над Москвой-рекой. Ничего, кроме любви и благодарности, я к маме не испытываю. Даша недавно подарила мне прекрасные мамины письма, которые я перечитываю. Да, в последние годы наши отношения действительно испортились из-за того, что в семью проникли посторонние люди. Бог им судья.

– Кто из большой семьи Михалковых-Кончаловских был на похоронах?

– Была Анна Михалкова. Андрей Сергеевич на похороны сестры не пришел. Нам с Дашей было очень горько, но, возможно, ему помешала занятость. Он очень много работает. Никита тоже не приехал, но он в это время тяжело болел, перенес сложную операцию на спине, поэтому никакой обиды мы не испытываем. А что касается большой семьи, то все давно отпочковались, и собраться за столом, как это было 30 лет назад, при жизни Натальи Петровны Кончаловской, невозможно.

– Но ты можешь в трудной ситуации обратиться к знаменитым родственникам за помощью? Ты с ними на «вы» или на «ты»?

– С Никитой Сергеевичем – по имени и на «ты». А Андрей Сергеевич как-то сказал: «Меня Андроном называл мой дед, Петр Петрович Кончаловский, но, когда слышу это от журналистов, хочу дать в морду». Поэтому обращаюсь к Андрею Сергеевичу только по имени-отчеству и на «вы», чтобы не рисковать. Я ведь тоже журналист. Когда я обращаюсь с какой-то просьбой относительно папиного литературного наследия к Никите Сергеевичу, он всегда откликается. Он может не взять трубку,

если очень занят, поэтому обычно действую через Анну Михалкову, с которой мы поддерживаем отношения. Звоню: «Анюта, срочно нужна поддержка твоего папы», – и все решается. Она очень востребованная актриса, постоянно на съемках, плюс трое детей, но если что-то мы мутим, скажем, выставку картин моей сестры Даши, всегда приходит. Она добрый, светлый человек.

– А с Дашей вы близки?

– У нас девять лет разницы. В детстве Даша для меня была не столько сестрой, сколько маленькой мамой, нянчилась со мной, терпела мои шалости. Был период, когда мы мало общались из-за ее занятости, но теперь в каждый мой приезд в Москву я встречаюсь с Дашей, мы часто ездим вдвоем в Крым. Сестра пережила большую горе – потеряла сына Максима, который трагически погиб. Даша очень хрупкая, но в ней есть, как я это называю, суриковская сила, доставшаяся ей от нашего прапрадеда... Несмотря ни на что, она продолжает писать великолепные картины.

– Оля, расскажи, пожалуйста, о своих детях!

– Алиса окончила факультет права, потом коммерческую школу и теперь занимается цифрами, хотя тоже творческий человек. Недавно я отправила сестре Даше рисунки Алисы. Реакция была неожиданной: «Прекрасные работы! Ты преступница! Алиса могла бы быть художницей!» Мой сын Юлиан – пианист. В феврале у него будет первый сольный концерт в музее Скрябина в Москве. Это прекрасная площадка, там играли такие пианисты, как зять Скрябина Владимир Софроницкий, Генрих Нейгауз.

– Но ведь сначала Юлиан выбрал другую профессию?

– Юлик не выбирал, он пошел на поводу у своего папы, чей дядя был президентом суда, а кузина – действующий судья в Международном трибунале в Гааге. Поэтому Надим задал сыну вопрос: кем ты хочешь стать – инженером, как я, или судьей? Других вариантов не предполагалось! И Юлиан поступил на юридический факультет, специализировался по международному

праву. Его уже приглашали на стажировку в США, причем совершенно бесплатно, но сын заявил, что дарит свой диплом отцу, потому что не видит себя ни адвокатом, ни судьей, а мечтает посвятить жизнь музыке. Он играет с 6 лет. Поступил в консерваторию в Брюсселе и в Женеве, но выбрал женевскую. В прошлом году он стал лучшим выпускником и получил приз. Сейчас учится в магистратуре Парижской консерватории. Он вкалывает день и ночь. Даже появилась угроза тендинита, это профессиональная болезнь пианиста.

– У вас были в роду музыканты?

– Музыку любили все. Папа в пятилетнем возрасте становился перед радио и «дирижировал», когда транслировали классическую музыку. Его любимыми композиторами были Дебюсси и Равель. А Наталья Петровна Кончаловская прекрасно музицировала и написала не одно либретто. Ее первый муж Алексей Алексеевич Богданов был прекрасным пианистом. Когда они жили в Америке, где он представлял торговую организацию и был нашим разведчиком, он дал концерт и, по сути, провалился. Дело в том, что бедный Алексей Алексеевич боялся публики и трепетал даже перед своими. Иногда забывал ноты и «импровизировал», чтобы доиграть произведение до конца. Такой конфуз и случился в гостях у скульптора Коненкова, который был крестным отцом Натальи Петровны. Она надеялась, что муж станет пианистом, но не сложилось. На этом ее любовь закончилась. Вернувшись в Москву, они расстались. Осталась дочь Катя – наша мама. А Наталья Петровна вышла замуж за Сергея Владимировича Михалкова.

Она мечтала, что сыновья будут музыкантами...

– Сказала себе: «Не получилось сделать музыканта из первого супруга, сделаю пианистов из моих мальчиков!» Андрей Сергеевич талантливо играл на фортепиано, учился в консерватории, но в 1958 году приехал Ван Клиберн, выиграл конкурс Чайковского. Послушав этого виртуоза, Андрей Сергеевич понял, что так играть не сможет, а хуже ему не надо. Никиту тоже отправили в

музыкальную школу, но это было не его, он страдал, и именно мой папа убедил Наталью Петровну, которую он любя называл «матенька», что ее младшему сыну надо заняться чем-то другим. В результате Никита стал знаменитым режиссером. Но музыкальную мечту бабушки воплотил в жизнь ее правнук Юлиан.

Приключения Штирлица во Франции

– Ты как-то сказала такую фразу, что Юлиану Семенову помогли уйти из жизни.

– Я не люблю желтые сенсации и тысячу раз продумала и проверила, прежде чем решилась это сказать. Сначала был отравлен его первый заместитель в газете «Совершенно секретно» Александр Николаевич Плешков. Это произошло в Париже. Я рожала мою дочку Алису, папа приехал меня поддержать, а Александр Николаевич привез материалы для нового выпуска газеты. Нам позвонили: он внезапно умер. Кровь шла из носа, из ушей, из внутренних органов. Папа вернулся в Москву на похороны. От жутких переживаний у него произошел инсульт. Кто-то рано утром зашел к нему в палату, показав какое-то удостоверение и попросив медбрата выйти. Что там произошло, неизвестно, но случился второй инсульт. А вскоре был убит священник Александр Мень, член редакционного совета газеты «Совершенно секретно». Все эти смерти не случайны.

– Интересуешься судьбой газеты – любимого детища Юлиана Семенова?

– Стараюсь даже не узнавать. Постепенно уходили люди, которые начинали с моим отцом: Женя Додолев, Дима Лиханов, ты тоже ушла. Дух Юлиана Семенова терялся. Исход можно было предугадать давно.

– Недавно узнала, что «Семнадцать мгновений весны» напечатали во Франции!

– Это просто невероятно, но роман становится культовым не только для россиян, но и для французов. Сначала вышел один

тираж под названием «Красный разведчик», потом второй. В этом году книга появится в карманном формате. Сейчас историю пытаются переписать, будто во Второй мировой войне победили главным образом англичане и американцы. Но французам важно дойти до сути. А в романе рассказывается об операции «Санрайз» – тайных переговорах США и Великобритании с Германией о капитуляции немецких войск в Северной Италии. В ведущих СМИ Франции «Ле Монд», «Фигаро» отличные рецензии на роман.

Книги отца издают и в России, но в учебнике литературы о Юлиане Семенове нет ни слова. Это делалось по указанию Феликса Кузнецова, который руководил Институтом мировой литературы (ИМЛИ). Не думаю, что многие в писательской среде этого человека уважают. Он не любил моего отца не потому, что ему не нравилось, как пишет Юлиан Семенов. Феликс Кузнецов был лютым антисемитом. И тот факт, что папа был наполовину еврей, наполнял его такой ненавистью, что он не мог абстрагироваться и посмотреть на него как на писателя. Но, как сказал Лев Александрович Аннинский, «Юлика будут читать еще долго, на теперь совсем другом уровне, не только как автора детективов, но и как серьезного и вдумчивого писателя».

– Оля, как тебе живется на две страны?

– Патриотизм не в том, где ты территориально находишься, главное – кем ты себя ощущаешь. Я себя чувствую русской. По-настоящему дома я только в Крыму. Смотрю книгу отзывов в доме-музее Юлиана Семенова, где прекрасные слова об отце, и говорю себе: «Я дома».

Елена Светлова

